

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ)

ФЕОФАНОВ Константин Анатольевич

доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Центра междисциплинарных исследований Института научной
информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

E-mail: konstantin.feofanov@gmail.com

SPIN-код: 5086-2934

ORCID: 0000-0002-2279-5292

Для цитирования: Феофанов К.А. Цивилизационное моделирование региональных международных отношений (на примере Большой Евразии) // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 1 (9). – С. 50–62. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.05.

Аннотация. Статья посвящена возможностям применения системного подхода к анализу региональных подсистем международных отношений. Рассматриваются теоретические аспекты применения системного подхода, терминология системного подхода, структура региональных подсистем при анализе региональных аспектов международных отношений. Исследуется феномен цивилизационализации как возрастания роли локальных цивилизационных элементов и подсистем в глобальных и региональных системах и подсистемах. Данные политические процессы совпали со стремительным ростом исследовательского внимания к локальным цивилизациям в 1990–2000-е годы. Рассматриваются теоретические аспекты применения системного метода при анализе региональных аспектов международных отношений, структура региональных подсистем международных отношений, возрастание политической роли цивилизаций как подсистем международных отношений, структуры глобальных и региональных систем (подсистем) в поисках равновесной цивилизационной и geopolитической конфигурации. Особое внимание уделено моделированию межцивилизационных взаимодействий (на примере интеграционных объединений Большой Евразии).

Ключевые слова: цивилизации, локальные цивилизации, системный подход, цивилизационные подсистемы, цивилизационизация, цивилизационное моделирование, международные отношения, региональные подсистемы, Большая Евразия.

Civilizational Modeling of Regional International Relations (on the Example of Greater Eurasia)

Konstantin A. FEOFANOV

DSc in Political Science, Professor, Leading Researcher
of the Center for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

E-mail: konstantin.feofanov@gmail.com

SPIN-code: 5086-2934

ORCID: 0000-0002-2279-5292

For citation: Feofanov K.A. (2025). Civilizational Modeling of Regional International Relations (on the Example of Greater Eurasia). *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (9), pp. 50–62. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.05.

Abstract. The article is devoted to the possibilities of applying the systems approach to the analysis of regional subsystems of international relations. It considers the theoretical aspects of applying the systems approach, the terminology of the systems approach, the structure of regional subsystems in the analysis of regional aspects of international relations. The phenomenon of civilizationalization as an increasing role of local civilizational elements and subsystems in global and regional systems and subsystems is scrutinized. These political processes coincided with the rapid growth of research attention to local civilizations in the 1990–2000s. The article considers the theoretical aspects of applying the systems approach in the analysis of regional aspects of international relations, the structure of regional subsystems of international relations, the increasing political role of civilizations as subsystems of international relations, the structure of global and regional systems (subsystems) in the search for an equilibrium civilizational and geopolitical configuration. Particular attention is paid to modeling of inter-civilizational interactions (on the example of integrative associations of the Greater Eurasia).

Keywords: civilizations, local civilizations, systems approach, civilizational subsystems, civilizationization, civilizational modeling, international relations, regional subsystems, Greater Eurasia.

В исследованиях международных отношений широко используется понятие региональной подсистемы, тем самым методологически подчеркивается автономность региональных подсистем от глобальной мировой системы. Данный термин был разработан в рамках неореалистского (структурно-реалистского) подхода во второй половине XX в., и его применение развивалось параллельно с самим неореалистским подходом. Наряду с ростом исследовательского интереса к терминологии региональных подсистем и процессам в международных регионах, в связи с феноменом «цивилизационизации», – переходом в 1990-е годы глобальных и региональных противоречий времен холодной войны на более глубокий и детерминирующий политическое, экономическое, дипломатическое и другие взаимодействия государств, цивилизационный уровень, – недавно начи-

нает активно рассматриваться возможность в исследованиях международных глобальных и региональных отношений использовать в качестве актуального направления применения системного подхода исследование цивилизационных подсистем¹. Интерес, проявленный научным сообществом и политическими элитами различных стран к теме цивилизационного развития, десятки тысяч научных статей на данную тему в 1990-е и 2000-е годы демонстрируют значительный эвристический потенциал цивилизационного подхода и цивилизационных исследований. Системное моделирование глобальной и региональных систем (подсистем) позволяет воспроизводить их свойства на искусственно конструируемой модели – аналогичной оригиналу. Обнаруживаемые в ходе моделирования процессы и тенденции, на данной основе, могут быть распространены на реальную действительность, выступая основой понимания, объяснения, прогнозирования и практико-политической деятельности.

Теоретические аспекты применения системного метода при анализе региональных аспектов международных отношений

Международные регионы рассматриваются как региональные подсистемы мировой системы, или, если наблюдатель располагается внутри, то как системы – в свою очередь, содержащие элементы или подсистемы (элементы и подсистемы – это одно и то же по отношению к системе). Среди свойств систем важное значение имеют целостность, иерархичность, автономность-самоуправляемость, адаптивность-динамизм, взаимосвязанность со средой, гомеостатичность, информативность и безопасность. Структура международных отношений на глобальном уровне отражается на региональном уровне, можно сказать, что региональная подсистема (система) погружена во внешнюю среду – систему международных отношений. Но справедливо и обратное утверждение – региональные процессы влияют на глобальные, как минимум, через способствование или препятствование им, и как максимум, определяют и формируют их «снизу», через определение наиболее «убедительных» тенденций «несовпадения» с глобализацией, регионализации и региональной интеграции. Ключевыми понятиями системного подхода также являются состав, внешняя среда, взаимодействие и границы системы.

Практический и научный интерес к региональным подсистемам стал актуализироваться в последней трети XX в. на фоне глобализации как увеличения взаимосвязанности между регионами и способов сохранения, в подобных условиях, региональной идентичности. Предпосылками повышенного внимания к региональным подсистемам также послужили разрушение bipolarной системы, полицентризация, развитие и проблемати-

---

¹ Феофанов К.А. Цивилизационная теория модернизации. 3-е изд., испр. и перераб. – Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°». – 2021. – С. 7–12, 16–19, 25–29.

зация интеграционных процессов, осознание и фактическая реализация «многослойности» региональных пространств. Международный регион является и территориально-географической, и geopolитической, и геоэкономической, и геофилософской подсистемой, существуя на различных, не совпадающих друг с другом уровнях. Глобальное пространство не совпадает с физическим, территориально-географическое представление о регионе вытесняется функциональной, нетерриториальной концепцией. Многослойность региональных пространств формируется из взаимодействующих и не совпадающих друг с другом, географического, geopolитического, геоэкономического и геофилософского уровней. Регион уже несколько десятилетий перестал быть чисто географическим понятием и нуждается в многоуровневом и междисциплинарном понимании. В данном контексте можно говорить о «конце географии» – так как неповторимая идентичность культуры народов, живущих в их пределах, больше не сохраняется в территориальных границах государств.

Структура региональных подсистем международных отношений

Для структуры региональных подсистем характерно тяготение к «поляризации», проявление и борьба полюсов силы, тенденции к трансформации их числа и конфигурации, и распределению ролей – таких как региональные гегемоны, протогегемоны, партнеры и вассалы. Распространенными примерами (макро) региональных порядков являются моноцентричный, как, например, США в североамериканской региональной подсистеме, ЮАР в южноафриканской или Россия в Евразии, биполярный, как Индия и Пакистан в региональной подсистеме Южной Азии, Бразилия и Аргентина в Латинской Америке, поликентричный, как Королевство Саудовская Аравия, Ирак, Сирия и Египет на Ближнем Востоке, или неструктурированный, как в Центральной Азии и на Южном Кавказе.

В структуре региональных подсистем ключевые роли играют акторы-государства, их национальные интересы и цели. Ответы на вопрос о главенстве тех или иных акторов принципиально различаются у представителей различных научных направлений. Так, представители политического (нео) реализма считают главными акторами государства, а международные организации и другие структуры – лишь выполняющими волю государств. А представители политического (нео) либерализма, наоборот, признают в качестве главных акторов транснациональные корпорации и международные организации. Внутренняя структура (та, которая действует в рамках границ подсистемы) региональных порядков формируется во взаимодействии наиболее сильных региональных государств и зависит от их количества и особенностей. Интеграционные структуры разворачиваются в различных специфических действующих механиз-

мах и сферах, в международных организациях, транснациональных корпорациях, институтах, идеологиях, мотивах, проектах и правовых основах.

Проблемы внутренней среды реализуются в таких функциональных сферах, как география, экономика, неравномерность экономического развития, экономическая взаимозависимость, различные политические режимы, культурные и религиозные различия и безопасность. Вопросы внешней среды проявляются в форме трансрегионализма и взаимодействия с глобальными процессами^{2,3,4}. В постбиполярном мире, в связи с регионализацией, этнографией, конфессионализацией и полицентризацией, в региональных подсистемах имеют место усиление центров силы и новые взаимодействия между элементами внутри региональных порядков и с экстраполитическими акторами и процессами. Распределение ролей в региональных подсистемах не является неизменным и может меняться вследствие попеременного усиления или ослабления то одного, то другого центра силы.

Возрастание политической роли цивилизаций как подсистем международных отношений

Трансформация системы международных отношений в начале 1990-х годов привела к значительным изменениям в характере глобальных и региональных противоречий. Растущий интерес к исследованию и политической практике цивилизаций и их «столкновений», своевременно выраженный С. Хантингтоном, доказал возвращение в мировую политику новой «линии разломов», существовавшей веками и гораздо более глубокой, чем идеологические конфликты холодной войны. Предпосылками повышенного интереса к глобальным и региональным цивилизационным подсистемам являются разрушение биполярного мира, мультицентризация миропорядка, развитие глобальных и региональных интеграционных процессов. Переходу идеологических противостояний времен холодной войны в более глубокие и многоуровневые противостояния цивилизационные также способствовал рост культурной, цивилизационной и международно-политической независимости незападных цивилизаций. Помимо глобализации и регионализации, можно говорить о постбиполярной цивилизационизации, т.е. переходе на более глубокий и детерминирующий любые другие уровни, цивилизационный уровень.

---

² Acharya A. The emerging regional architecture of world politics // World Politics. – 2007. – Vol. 59, № 4. – P. 629–652.

³ Özdemir H. An Inter-Subsystemic Approach in International Relations // All Azimuth. – 2015. – Vol. 4, № 1. – P. 5–26.

⁴ Голосов О.В. Моделирование региональной системы: актуализация подходов // Финансы: теория и практика. – 2012. – № 2. – С. 114–120.

Международные регионы и региональные комплексы традиционно рассматриваются как региональные подсистемы международных отношений. Этот подход основан на политическом неореализме М. Каплана, К. Боулдинга, К. Уолтца и системных исследованиях российского ученого А.А. Богданова. В конце XX в. системно-регионалистские подходы были обогащены результатами исследований представителей шведской школы Б. Хеттне, Ф. Сёдербаумом и другими⁵.

Рассмотрение bipolarных международных отношений и региональной интеграции в духе «старого» регионализма времен холодной войны трансформировалось в парадигматически новое направление исследований явлений и процессов в духе «нового регионализма»⁶. Достижения данных подходов в анализе структуры региональных подсистем позволяют успешно их применять к цивилизационным подсистемам. Вместе с представленными в международном регионе государствами, «гегемоническими» и «вассальными» отношениями между ними, международными интеграционными структурами, транснациональными корпорациями и другими действующими акторами, – в рамках регионалистской парадигмы данный вопрос выпадает из рассмотрения, – цивилизации также входят в число ключевых, нередко еще более сверхзначимых, чем межгосударственные отношения, детерминирующих структур региональных порядков. Как правило, они представлены не только в виде «работающих в фоновом режиме» «супердетерминант» любых процессов развития и отношений, но и в виде определенных общественно-политических институтов, международных организаций экономической, культурной и конфессиональной направленности.

Особым случаем с максимальной выраженностью потенциала цивилизационных структур выступают «государства-цивилизации»⁷. Основываясь на методологии системного метода, представляется возможным исследовать глобальные и региональные цивилизационные системы (*подсистемы*) международных отношений – действующие, активные, постколониальные и суверенные, основанные на фундаментальных ценностях и нормах, проникающие в политico-институциональные взаимодействия, разворачивающиеся в конкурирующем и постоянно меняющемся распределении ролей и потенциалов.

---

⁵ Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // Contribution to New Political Economy. – 2000. – Vol. 5, № 3. – P. 457–473.

⁶ Tziampiris A. The New Eastern Mediterranean as a Regional Subsystem / ed. by Litsas S.N., Tziampiris A. // The New Eastern Mediterranean. – Cham, Switzerland: Springer. – 2019. – P. 1–30.

⁷ Coker Ch. The Rise of the Civilizational State. – Cambridge, U.K.: Polity Press. – 2019. – P. xi–xii.

**Структуры глобальных и региональных систем (подсистем)
в поисках равновесной цивилизационной
и geopolитической конфигурации**

На протяжении истории международных отношений глобальные и региональные порядки многократно переживали проблематизации и поиски стабильной равновесности, борьбу стабилизирующих акторов и факторов, стремящихся к установлению баланса и статус-кво, с дестабилизирующими акторами и факторами, стремящимися к их разрушению. Новые результирующие стабилизации после разрушения прежних возникали после мировых, а до XX столетия, европейских войн, включая холодную войну середины 1940 – конца 1980-х годов. Через проблематизации с последующей балансировкой последовательно возникли *Вестфальская* система как результат Тридцатилетней войны и достижения баланса между католиками и протестантами, блоком Габсбургов и Католической лигой против антигабсбургской коалиции и Евангелической унии. *Венская* система как восстановление баланса сил и работающий вариант новой коллективной безопасности. *Версальско-Вашингтонская* система как результат Первой мировой войны, с характерным отсутствием единства участников Лиги Наций, *Ялтинско-Потсдамская* система как результат Второй мировой войны с искусственным разделением мира на два противостоящих «лагеря», *Американоцентрическая Pax Americana* как результат холодной войны и *Система реальной полицентричности* как результат кризиса *Pax Americana* в начале 2000-х годов.

Международные регионы выступают как «полуавтономные целостности, с одной стороны, и как образования, находящиеся в отношениях взаимовлияния и созависимости с международной системой – с другой»⁸. Локальные цивилизации – как (кросс) территориально локализованные подсистемы, которые, в отличие от территориально-географических региональных подсистем, могут выходить за пределы государственных границ, будучи локализованы на территориях нескольких стран и континентов, детерминируя внутри- и межцивилизационные взаимодействия. Структура системы международных отношений на глобальном уровне находит отражение не только на уровне региональных подсистем, но и на уровне цивилизаций и их кроссрегиональных и кроссконтинентальных взаимодействий, в той или иной, различной степени детерминирует их и детерминируется ими. Глобализация и регионализация, специфические региональные разновидности открытого и закрытого регионализма определяют степень вмешательства глобальных процессов в политику и экономику региона. Локальные (мега) цивилизации погружены во внешнюю

---

⁸ Лабуткин Н.С. Концепция региональных подсистем: от гетерогенности к плурализму // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2020. – Т. 12, № 1. – С. 34. – DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-1-32-56.

среду – систему международных отношений. Многослойность цивилизационных ареалов формируется из кроссрегиональных и кроссконтинентальных, взаимодействующих и не совпадающих друг с другом, географического, геополитического, геоэкономического и геофилософского уровней. В свою очередь, локальные цивилизации делятся на субцивилизации – каждая из которых кросскубцивилизационным образом взаимодействует с другими, формируя региональные и внешнеполитические, кроссконфессиональные и кроссинституциональные альянсы и мезальянсы различной степени глубины, продолжительности и масштабности последствий для международных отношений.

Монолитных цивилизаций практически не существует, все имеют в той или иной степени дробную субцивилизационную структуру. Так, исламская (мега) цивилизация состоит из «персидской, магрибской субцивилизаций, субцивилизации региона Персидского залива» и других⁹. Европейская (мега) цивилизация включает западно- и восточноевропейскую, и российскую субцивилизации. Представляется полезным использование «понятия “общая цивилизационная принадлежность” как усиливающий свое значение фактор, влияющий на формирование союзов и межгосударственных объединений и способствующий согласованию интересов внутри этих объединений на основе ощущения цивилизационной общности, располагающей членов этих объединений к большему взаимному доверию (система “свой – свой”»¹⁰. Данные примеры демонстрируют необходимость многоуровневого и междисциплинарного, основанного на системном подходе исследования структуры и функционирования цивилизаций в статике и динамике, лежащего в основе цивилизационного моделирования как процесса изучения и прогнозирования развития цивилизационных систем.

Моделирование межцивилизационных взаимодействий (на примере интеграционных объединений Большой Евразии)

Данный аналитический метод может быть реализован применительно к любой (макро) региональной подсистеме. В ходе его реализации составляются полиморфные модели политического, экономического, ценностно-нормативного, социально-стратификационного, этатистского, конфессионального, культурного, традиционного, институционального, модернизационного и других состояний государств, обществ и регионов на конкретный момент времени в прошлом, настоящем и будущем. Большая

---

⁹ Валиахметова Г.Н. Исламский мир – Запад: цивилизационное измерение конфликта политических интересов // Проблемы востоковедения. – 2014. – № 4 (66). – С. 7–11.

¹⁰ Малков С.Ю., Алешковский И.А., Билюга С.Э. Методологические основы междисциплинарных исследований цивилизационных процессов // Россия и современный мир. – 2024. – № 122. – С. 192. – DOI: 10.31249/rsm/2024.02.12.

Евразия рассматривается в данной статье как пример комплексной, разветвленной, развитой структуры макрорегиональной подсистемы – она включает весь евразийский континент и часть африканского: 48 стран Европы, 50 стран Азии и семь стран Северной Африки. На этой территории расположены восемь локальных цивилизаций: Западноевропейская, Восточноевропейская, Евразийская, Китайская, Индийская, Японская, Буддистская и Исламская, а за пределами Большой Евразии – четыре цивилизации: Североамериканская, Латиноамериканская, Океаническая и Африканская. Проект «Большого евразийского партнерства» предполагает «сопряжение» региональных интеграционных процессов, «интеграцию интеграций», создание сети зон свободной торговли и межблоковых торгово-экономических партнерств. Интеграционные структуры Большой Евразии, помимо реализации национальных интересов входящих в них государств и факторов географии, экономики, глобализационных, экстраполитических влияний, неравномерности экономического развития, экономической взаимозависимости, относительной схожести политических режимов и интересов безопасности, в имеющихся девяти межцивилизационных интеграционных объединениях реализуют принципы цивилизационной солидарности.

Взаимодействие цивилизаций осуществляется в межцивилизационных интеграционных объединениях в двух основных формах. Во-первых, *моноцивилизационная разноконфессиональная модель, действующая на основе конфессиональной вариативности, но в рамках одной цивилизации*. Реализуется в *Европейском союзе* в сотрудничестве 27 государств – основанных на цивилизационности христианского протестантизма и католицизма, при небольшом числе православных государств (существенные различия между странами Западной и Восточной Европы, ранее входящими в «капиталистический» и «социалистический» лагерь). А также в *Лиге арабских государств*, в которой на цивилизационной основе ислама взаимодействуют 22 разноконфессиональных государства (преимущественно суннитских, но в Ираке и Бахрейне мусульмане-шииты составляют численное большинство, а в Йемене, Кувейте и Ливане – порядка 30–40% населения) и *Организации исламского сотрудничества* – насчитывающей 57 государств-членов, как имеющих, так и не имеющих мусульманского большинства.

Во-вторых, *разноцивилизационная модель, действующая на основе цивилизационной вариативности, в рамках межцивилизационного взаимодействия государств-членов*. Данная модель реализуется в *ЕАЭС* – в котором разноконфессиональная христианская Армения и преимущественно православные Россия и Белоруссия успешно взаимодействуют с Казахстаном и Киргизией – основой самоидентификации которых выступает принадлежность к исламской цивилизации. Данная модель разноцивилизационного взаимодействия также характерна для интеграционной структуры *СНГ*, в которой различные конфессии христианства существуют с раз-

личными конфессиями ислама (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Молдавия, Россия, Таджикистан, Узбекистан).

Еще более «пестрой», разносоставной является вариативность межцивилизационных взаимодействий православно-христианской, разноконфессиональной исламской, буддистской и даосистской цивилизаций в ШОС (Россия, Китай, Индия, Пакистан, Иран, Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан и Узбекистан), АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд и Филиппины), Организации черноморского экономического сотрудничества ОЧЭС – Армения, Албания, Азербайджан, Грузия, Греция, Болгария, Молдавия, Румыния, Россия, Турция, Сербия, Украина, Республика Северная Македония. В Союзе для Средиземноморья имеет место своеобразное совмещение обеих моделей, происходит взаимодействие всех 27 государств – членов Европейского союза и 16 других стран, среди которых такие цивилизационно-различные, как Албания, Алжир, Босния и Герцеговина, Великобритания, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Мавритания, Марокко, Монако, Палестина, Сирия, Тунис, Турция, Черногория.

Данные примеры демонстрируют отход от комплексных противостояний времен холодной войны в пользу совместной реализации национальных интересов государств – представителей мировых и локальных цивилизаций. В данном комплексном процессе, в отличие от всесторонности, всепоглощающей и всеохватности входящих в него цивилизаций, реализуются геополитические и геоэкономические интересы взаимодействия, и конкретно реализуемые акты политической воли активных на международном и региональном уровнях политических акторов – в направлении взаимного сотрудничества и укрепления партнерства «восходящих» незападных государств, все больше осознающих собственную цивилизационную идентичность и суверенность.

Цивилизационные подсистемы неоднородны, среди разновидностей можно, вслед за С. Хантингтоном, среди прочих, различать *стержневые государства* (core states, США в западной цивилизации, Россия – в православной, Китай – в синской; в исламской, латиноамериканской и африканской цивилизациях нет стержневых государств, но в Латинской Америке на эту роль претендует Бразилия, а в Африке – ЮАР), *страны-одиночки* (lone states, не имеющие культурной общности с другими обществами – Эфиопия с амхарским языком и коптским православием, Япония, чью самобытную культуру не разделяет ни одна другая страна); *расколотые страны* (torn states, большие группы людей принадлежат к различным цивилизациям – Турция (противоречие между проектами секуляризованной нации-государства западного типа и возрождением исламских традиций¹¹),

---

¹¹ Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм в рамках идеологической экспансии Турецкой Республики // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 1 (5). – С. 17–24. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.02.

Мексика (стремление лидеров к переопределению цивилизационной идентичности в направлении к западной цивилизации), Филиппины (христиане и мусульмане), Судан (мусульманский север и христианский юг), Канада (франкоязычный Квебек и остальная англоязычная часть страны), Индия (мусульмане и индуисты), Украина (одной из ранних причин разлома послужила Брестская уния 1596 г., согласно которой православные Киевской митрополии должны были подчиниться католическому вероучению), и также, согласно С. Хантингтону, расколотой страной на протяжении нескольких столетий остается Россия¹².

В условиях цивилизационизации противостояний времен холодной войны, в ответ на идеи С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций» и Ф. Фукуямы о «конце истории» президентом Ирана М. Хатами в ООН в 2000 г. была предложена идея межцивилизационного диалога – которая нашла выражение в резолюции ООН «Глобальная повестка для диалога цивилизаций» и декларации ЮНЕСКО о сохранении культурного разнообразия 2001 года¹³. Неизбежная в предпосылках возникновения в постбиполярный период, концепция диалога цивилизаций, производная от межцивилизационных противоречий, встраивается в них, провозглашая устранение взаимного непонимания и создание условий для установления мира, обречена на долгосрочное существование. Она вовсе не является утопичной в конкретных сферах сотрудничества, в которых речь идет о потенциальном совпадении национальных интересов государств и других акторов, представляющих различные цивилизации. Однако декларируемый отход от межцивилизационных противоречий в сторону партнерства может оказываться в значительной степени затруднительным и даже бесперспективным там, где противостояния имеют длительную цивилизационную историю. Прежде всего, это касается противостояний Запада и России, Запада и исламского мира, и суннитско-шиитского противостояния на Ближнем Востоке.

* * *

Международная политическая регионалистика является примером актуального и быстроразвивающегося научного направления. Широко применяемый на протяжении более семи десятилетий системный подход хронологически совпал с практической реализацией феномена регионализации, увеличения плотности региональных связей и развития интеграци-

---

¹² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – Москва: Издательство «АСТ», 2003. – С. 238–278.

¹³ Мирбахери Ф. Сглаживание противоречий или маскировка различий: анализ «диалога цивилизаций» Мохаммеда Хатами // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История: Информационно-аналитический журнал. – 2009. – № 2. – С. 173–178.

онных структур, которые, в аналитических целях, удобно представлять, как региональные (также макрорегиональные, когда речь идет о расширенных пространствах регионов и кроссрегиональных взаимодействиях) подсистемы международных отношений. Использование разветвленной терминологии системного подхода, понимание теоретических аспектов его применения позволяют анализировать региональные подсистемы через их взаимодействия со средой, участие экстрапротокольных акторов и внутреннюю полиморфную и многоуровневую структуру.

Начиная с 1990-х годов, в глобальных и региональных системах (подсистемах) имеет место феномен цивилизационализации как возрастание роли локальных цивилизационных элементов и подсистем, и наряду с прежними, ставшими уже традиционными, аспектами региональной интеграции, возрастает интерес исследователей к проблематике локальных цивилизаций, к несовпадающим с границами и уровнями (макро) региональных подсистем, но играющим в них, нередко, ключевую и детерминирующую роль, цивилизационными подсистемами. Моделирование цивилизационных подсистем и межцивилизационных взаимодействий, как было показано на примере интеграционных объединений макрорегиональной подсистемы Большой Евразии, предоставляет исследователям региональных международных отношений новые аналитические возможности.

Список источников и литературы

1. Валиахметова Г.Н. Исламский мир – Запад: цивилизационное измерение конфликта политических интересов // Проблемы востоковедения. – 2014. – № 4 (66). – С. 7–11.
2. Голосов О.В. Моделирование региональной системы: актуализация подходов // Финансы: теория и практика. – 2012. – № 2. – С. 114–120.
3. Лабуткин Н.С. Концепция региональных подсистем: от гетерогенности к плюрализму // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2020. – Т. 12, № 1. – С. 32–56. – DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-1-32-56.
4. Малков С.Ю., Алешковский И.А., Билуга С.Э. Методологические основы междисциплинарных исследований цивилизационных процессов // Россия и современный мир. – 2024. – № 122. – С. 189–202. – DOI: 10.31249/rsm/2024.02.12.
5. Мирбахери Ф. Сглаживание противоречий или маскировка различий: анализ «диалога цивилизаций» Мухаммеда Хатами // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История: Информационно-аналитический журнал. – 2009. – № 2. – С. 173–178.
6. Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм в рамках идеологической экспансии Турецкой Республики // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 1 (5). – С. 17–24. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.02.

7. Феофанов К.А. Цивилизационная теория модернизации. 3-е изд., испр. и перераб. – Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2021. – 218 с.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – Москва: Издательство «ACT», 2003. – 603 с.
9. Acharya A. The emerging regional architecture of world politics // World Politics. – 2007. – Vol. 59, № 4. – P. 629–652.
10. Coker Ch. The Rise of the Civilizational State. – Cambridge, U.K.: Polity Press, 2019. – 256 p.
11. Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // Contribution to New Political Economy. – 2000. – Vol. 5, № 3. – P. 457–473.
12. Özdemir H. An Inter-Subsystemic Approach in International Relations // All Azimuth. – 2015. – Vol. 4, № 1. – P. 5–26.
13. Tziampiris A. The New Eastern Mediterranean as a Regional Subsystem / ed. by Litsas S.N., Tziampiris A. // The New Eastern Mediterranean. – Cham, Switzerland: Springer. – 2019. – P. 1–30.